

ИСКУССТВО, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАРОДЫ

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

ПРОШЛЫМ летом я возвращался через Прагу домой, в Москву, после увлекательной туристской поездки во Францию. В купе, кроме моих товарищей по путешествию, оказалось двое французов и ирландец; это были члены Подготовительного комитета Всемирного фестиваля, направившиеся на свою московскую сессию. Не зная языка, мы вначале смущенно улыбались и молчали. Но вот один из французских друзей начал напевать знакомую мелодию чаплинского фильма; ее усердно подхватил ирландец, словно ему подсказали, наконец, слова, которыми он мог объясниться. Мы также включились в общий напев, и знакомство состоялось. Так Чаплин помог нашей дружбе.

Я вспоминаю об этом незамысловатом эпизоде в канун майского праздника потому, что в эти последние дни залитого сияющим, праздничным солнцем московского апреля, в дни, когда, словно в голубоватой сказке, кажется, что «стало видимо далеко во все концы света», — ты особенно остро чувствуешь силу великого братства людей, украшающих своим трудом нашу планету, и с гордостью думаешь о могуществе искусства, объединяющего народы.

Во время короткой остановки в небольшом приморском городке на юге Франции нашими соседями за

столиком кафе оказались актеры из Алжира — супруги Марсель и Клэр Хирухи, играющие в алжирском театре Жё Про. Услышав произнесенное кем-то из нас имя Горького, они тотчас же включились в разговор. Через несколько минут мы уже знали, что горьковская Ниловна, наряду с брехтовской матушкой Кураж, одна из любимых ролей Клэр, что муж ее недавно поставил «Ревизора», что они хорошо знают и чтут нашего Станиславского. С большим волнением они говорили о войне в Алжире, которую безоговорочно осуждает каждый честный француз.

...Мы в Рокбрюне. Это специально сохраненный для туристов заповедник X века. Кажется, что время остановилось в этой горной средневековой деревушке, примостившейся близ мрачного замка. Сегодня здесь большой религиозный праздник. В этот день много столетий тому назад «чудо» спасло жителей деревни от чумы. По узким каменным улицам Рокбрюна в этот день движется мистериальная процессия, возглавляемая «святой Маргаритой». Мы — в X веке. Но вот, узнав, что мы из Москвы, к нам бросается юноша, увлекает нас в маленькую полутемную лавчонку сувениров, и среди миниатюрных изображений мадонны и святых мы видим вышитого на полотенце белого голубя Пикассо. И мы отлично понимаем друг друга.

В театре Амбигю в Париже мы были захвачены удивительным искусством знаменитого Марселя Марсо. Театр Марсо — это театр без слов, но его красноречивое, проникнутое горячей любовью к человеку искусство понятно каждому. Пантомимы Марсо продолжают традиции Народного французского театра, и вместе с тем сам артист говорит о том, что он очень многое почерпнул в чудесном искусстве Пекинской музыкальной драмы.

Интересно, что работой актера с воображаемыми предметами, т. е. принципами условного сценического языка, столь щедро применяемого в театре Марсо и Чжоу Синь-фана, всегда интересовался Станиславский, открытия которого в этой области в свою очередь обогатили мировую сцену. Надо было видеть, с каким жадным вниманием слушал Марсель Марсо наши рассказы об учении великого советского режиссера. Духовная жизнь народов властно требует мирного сосуществования и обмена взаимными открытиями в области культуры, как бы г-н Даллес ни пытался доказать, что человечество мечтает о водородных бомбах.

Наша страна широко открыла двери для художников всех народов; за сравнительно короткое время мы, люди театра, познакомились с умным и строгим искусством Пола Скофилда и Питера Брука, с интереснейшим народным театром Жана Вилара, с своеобразным, хотя и во многом спорным для нас мастерством артистов «Эвримен-опера», с жизнерадостным творчеством Белградской драматической труппы, с изящными спектаклями будапештской и

румьинской оперетты, с прекрасным и подлинно народным китайским театром. В дни, когда извергалась грязная клевета врагов мира, не скрывающих злобы по поводу того, что советские люди помогли своим венгерским друзьям остановить в Будапеште нацизм, в дни, когда многие из наших зарубежных друзей не смогли понять того, что произошло в октябре на улицах венгерской столицы, в Москве выступил талантливый Ив Монтан.

Сейчас москвичи аплодируют виртуозному венскому балету на льду и с большим нетерпением ждут приезда демократического театра Бертольда Брехта, завоевавшего мировое признание как воинствующим гуманизмом своей идейной позиции, так и смелой новизной поэтической формы. Если бы некоторые деятели Запада, лицемерно упрекающие нас в «изоляционистских тенденциях» и «культурном автаркизме», сами не прикладывали усилий к «замораживанию» культурных связей, если бы были выполнены все соглашения о культурном сотрудничестве, подписанные нашим правительством, — взаимный обмен искусством был бы еще шире, еще многообразней.

...На этих днях я вернулся из Киева, где провел несколько дней, работая с замечательным поэтом и драматургом Назымом Хикметом над его новой пьесой. Хикмет, в связи с постановкой его пьес и фильмов в ряде стран народной демократии, находился последние месяцы за рубежом и сейчас, заканчивая свои дела, готовится вернуться в июле, как он говорит, «на свою вторую родину, в Москву». Эти весенние дни в Киеве снова и снова заставляли меня думать о мощной интернациональной силе искусства. Об этом нельзя было не думать, видя, как, скажем, дружно работают вместе старый украинский писатель Иван Ле и турецкий поэт Хикмет, старающийся помочь своему киевскому собрату передать в его новом романе о Богдане Хмельницком гравду о своей Турции.

Когда мы провожали на вокзале поэта, к нему пришла преподавательница Киевского университета, побывавшая недавно в Греции, и принесла в подарок игрушечную головку гречанки, сделанную в тюрьме женой Белоаяниса, осужденной убийцами ее мужа на пожизненное заключение. В тюрьме у Элли Белоаяниса родился мальчик. В честь отца его назвали Никос. Мы стоим на перроне и с волнением рассматриваем карточку обаятельного черноглазого мальчугана, написавшего на своей фотографии крупным детским почерком слова любви, обращенные к русским друзьям. Мы вспоминаем, с какой верой в конечное торжество коммунистических идей, улыбаясь, шел на смерть его отец. И каждый из нас думал в эти минуты о своей личной ответственности, о своем собственном долге так жить и работать, чтобы каждый поставленный тобой спектакль, каждый фильм, каждая книга, каждая статья помогли освободить солнце от туч, помогли сделать мир таким, чтобы сын Никоса Белоаяниса и миллионы его сверстников не знали горя, чтобы Весна, пронизанная добрым майским солнцем, Весна всегда царила на земле, в нашем искусстве, в наших домах и сердцах.

«ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА»

Г. МОСКВА

30 АПР. 1957

Комиссаржевский В